
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗДОРОВЬЕ

А.А. Белоусова

Кафедра международного права
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье предпринята попытка дать ответ на вопрос о том, возможно ли найти согласованные основы по обоснованию права на здоровье в качестве категории прав человека, закрепленной на уровне международного права. Основное внимание уделяется анализу теории прав человека, основанной на общественном интересе и служащей концептуальной основой права на здоровье.

Ключевые слова: право на здоровье; международное право прав человека; теория прав человека об общественном интересе; концепции прав человека.

Концептуальные основы права на здоровье оказались в центре внимания прежде всего философов, специализирующихся на вопросах юриспруденции [6]. Их исследования ограничивались в узкие рамки трактовки права на здоровье, в виде медицинской помощи [17. Р. 593]. Лишь недавно эти специалисты стали рассматривать право на здоровье в том виде, в котором оно закреплено в международном праве — право на наивысший достижимый уровень здоровья [21. Р. 273]. По поводу концептуальных основ права на здоровье мнения ученых разнятся. Например, проф. Дж. Гриффин вообще сомневается в возможности концептуально обосновать право на здоровье в рамках общей теории прав человека [20. Р. 208]. Немало исследователей придерживаются такого мнения.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на достаточно хорошее обоснование определения понятия и содержания права на здоровье в международном праве, исследователи из другой гуманитарной сферы продолжают сомневаться в теоретическом обосновании основ права на здоровье. Например, известный философ О. Онейл пишет: «обращение к праву на здоровье не является верно выбранным отправным моментом для исследования вопроса о тождестве справедливости в области защиты здоровья» [30. Р. 114].

В условиях расхождения единства ученых по концептуальным основам права на здоровье сохраняется сомнение и вопрос о том, относится ли право на здоровье к категории прав человека [34. Р. 114].

Сказанное обуславливает необходимость рассмотреть вопросы концептуального характера, касающиеся права на здоровье. Анализ этих вопросов позволит подтвердить или опровергнуть наличие достаточных концептуальных основ права на здоровье. Хотя постановка вопроса носит как бы запоздалый характер,

на фоне того, что право на здоровье уже признано в рамках международного права прав человека и закреплено в национальном законодательстве многих государств, а также отражено в национальных планах и программах развития. По нашему убеждению, рассмотрение концептуальных основ права на здоровье может помочь в деле осознания значения и широкого применения права на здоровье.

В свете сказанного уместным является постановка вопроса о необходимости проверить гипотезу, о возможности научно обосновать концептуальные основы права на здоровье. При этом подлежит проверке теория прав человека, основанная на социальном интересе. Согласно этой теории права человека не носят фундаментальный характер; они являются результатом социального конструирования, ибо в основе прав человека лежат «интересы». Этой теорией отвергается положение о том, что международные договоры, закрепляющие положения о праве на здоровье, не отражают согласованности относительно концептуальных основ прав человека. Сторонники данной теории выдвигают аргумент, что консенсус в отношении положений о праве на здоровье, зафиксированный в международных договорах, был достигнут благодаря социальному процессу, который привел к признанию интереса личности к обретению наивысшего достижимого уровня здоровья, который и лежит в основе права человека на здоровье [6. Р. 213].

В связи с этим изучению подлежат, прежде всего, те аргументы, которые обычно используются для того, чтобы оспорить права на здоровье. Эти аргументы отнесены к группе либертарианских возражений: возражений относительно статуса права; возражений, связанных с правильностью формулировки данного права; возражений сторонников релятивистской теории, а также к дилемме, связанной с обеспечением данного права материальными ресурсами. В контексте указанных возражений следует подчеркнуть, что почти все подобные концептуальные возражения против права на здоровье основываются на таких теориях, которые не имеют ничего общего с теорией международного права прав человека [29. Р. 276].

В дальнейшем рассмотрим мнения различных исследователей по теории прав человека вообще и по праву на здоровье в частности. Известный ученый-правовед, проф. Л. Хенкин замечает: «Обоснование теории прав человека носит не философский, а риторический характер. Правам человека присущ самоочевидный характер, ведь они воплощены и в других идеях, которые всеми охотно принимаются на интуитивном уровне» [28. Р. 2].

Аналогичное мнение было высказано ранее другим известным ученым Дж. Хамфри [25. Р. 44].

Профессор Р. Рорти считает, что успех в обеспечении прав человека не зависит от наличия сложных научных теорий, задача которых заключается в обосновании самого факта существования концепции прав человека. Однако любой подход, направленный на поиск основ для концептуального обоснования прав человека, по его мнению, устарел. Он полагает, что для реализации утопии, появившейся в эпоху Просвещения необходимы прагматизм и чувство, а не теория и рассудочный подход [35. Р. 111].

Сказанное не отменяет логический вопрос: если на уровне международного права прав человека уже утвердилось право на здоровье оно активно реализуется в практической деятельности государств, надо ли ставить под сомнение концептуальные основы права на здоровье?

Уходить от ответа на этот вопрос автоматически означало бы игнорировать существование важнейших элементов, образующих концепцию прав человека, что в свою очередь привело бы к тому, что под вопросом оказалась бы правомерность видения права на здоровье в качестве категории прав человека. Данный аргумент основан на том предположении, что любое право человека, включая право на здоровье, следует рассматривать как состоящее из взаимосвязанных между собой компонентов — правового, нормативного, политического и морально-этического [33. Р. 120].

Обоснование нормативного характера права на здоровье базируется на том постулате, что оно признано в качестве нормы в рамках международного права. В политическом плане право на здоровье связано с тем, как и насколько успешно его сторонники используют это право в качестве критерия для оценки законности мер, влияющих на состояние здоровья людей, как внутри государства, так и на межгосударственном уровне [27. Р. 357].

Иными словами, обоснование для подобного подхода основывается на том соображении, что права человека являются всеобщими, т.е. международным по масштабам явлением, которые предполагают «установленные нормы для политического общения». Поэтому государства добровольно взяли на себя обязательства на основе международных договоров по правам человека, в соответствии с которыми право на здоровье приобрело качество международной нормы, определяющей уровень легитимности усилий государств, направленных на обеспечение здоровья своих граждан.

Однако если полагаться лишь на правовое и политическое обоснование права на здоровье, возникают опасения совершить методологическую ошибку, а именно — недооценить реальное положение дел. Дело в том, что, несмотря на безусловное принятие государствами концепции прав человека, что подтверждено фактом ратификации ими соответствующих международных договоров по правам человека, до сих пор имеется разногласие в отношении статуса экономических и социальных прав, включая и право на здоровье [3. С. 76]. Более того, даже если в целом удастся достичь согласия относительно концепции права на здоровье, консенсуса по вопросам его применения на практике достичь, наверное, не удастся в ближайшей перспективе. При отсутствии единого мнения по вопросу о смысловом значении права на здоровье и тех морально-этических ценностей, которые за ним стоят, данное право становится привлекательным для исследования со стороны гуманитарных наук, что не исключает возможности манипуляций со стороны тех, кто стремится использовать данное право в качестве средства для риторики и призывов не придавать этому праву международного статуса [15].

В этой ситуации усиливается потребность лучше понять концептуальные основы права на здоровье с целью выявления ее морально-этической составляющей.

Уточнение, таким образом, ключевых составляющих право на здоровье будет способствовать усилению позиции сторонников рассматривать данное право частью международного свода прав человека.

Несмотря на закрепление в ряде международных соглашений о правах человека, в доктрине международного права прав человека имеется мнение о неполном теоретическом обосновании данного права [9].

Однако практика опровергает подобные утверждения, ибо в реальной жизни, в условиях разногласия, вначале достигается согласие по концептуальным основам, а затем заключаются международные соглашения по правам человека, основывающиеся на общих принципах права и определенных теориях права.

Если допустить, что государства могли включить права на здоровье в международные договоры по правам человека без достижения согласия по теоретическим основам, значит государства допустили возможность разночтения содержания данного права, что противоречит принципу *pacta sunt servanda* и основополагающим установкам Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Следует признать, что разработки государствами конкретных мер для практической реализации права на здоровье, к сожалению, частично подтверждают вышеупомянутые предположения [19. Р. 10].

Такое состояние дел дает основание специалистам говорить о своего рода «промежуточной договоренности» по некоторым категориям прав человека. Иными словами, по мнению этих специалистов, существование права на здоровье признается, однако остаются разногласия в отношении концептуальных его обоснований, которые должны служить как для обоснования права на здоровье, так и для обоснования тех конкретных мер, которые должны приниматься с целью его практической реализации.

Эти специалисты считают такое состояние допустимым и предлагают не тратить время для изыскания теоретических обоснований, а сконцентрировать усилия на практической реализации прав человека, которые существуют «в виде политической доктрины, созданной для того, чтобы играть определенную роль в глобальной политической жизни» [11. Р. 49]. Мы не можем согласиться с этим.

На наш взгляд, оптимальным выходом из сложившейся ситуации является выявление степени концептуального обоснования права на здоровье в соответствующих международных соглашениях по правам человека.

Дело в том, что в ряде международных договоров по правам человека уже нашла отражение моральная приверженность той идее, что наивысший уровень здоровья является интересом, который заслуживает того, чтобы быть признанным в качестве одной из категорий прав человека. Более того, сфера действия права на здоровье очень широка и выходит далеко за пределы простой защиты здоровья или предоставления медицинских услуг; оно налагает обязательство на государств-участников принимать меры к обеспечению наивысшего достижимого уровня здоровья. На этом основании от государств-участников соответствующих международных договоров требуется не только воздерживаться от вмешательства в дела здоровья человека, но и обеспечивать защиту от различных угроз здоровью людей.

Сказанное обуславливает необходимость выявить те концептуальные основы и моральные ценности, которые лежат в основе права на здоровье. Поставленная задача предполагает анализ прежде всего составных элементов права на здоровье.

Рассмотрение концепции прав человека на здоровье и изучение содержательной части права на здоровье должны осуществляться в русле существующих основных концепций прав человека в целом, которые дают ответы на простые, но важные для нас вопросы, такие как: что является правом человека; кто наделен правами человека. В самом упрощенном виде ответ такой: право человека есть то, что положено одному, что ведет за собой появление обязанностей по отношению к другому [26. Р. 166]. Право человека относится к той категории, которые признаются за человеком в силу того, что он относится к человеческому существу. По международному праву носителем обязательств по предоставлению и соблюдению права человека является государство.

Что касается вопроса о том, кто имеет право на пользование правами, в разных теориях отмечаются разные подходы к этой проблеме. Например, в соответствии с одной из теорий прав возможности для пользования правами являются предварительным условием для наделения правами (например, душевнобольные люди, признанные таковыми в соответствии с действующим правом, ограничены в непосредственном пользовании некоторыми правами человека). В рамках международного права, однако, такой подход не поддерживается: поддерживается подход, согласно которому любой человек является субъектом прав и свобод.

Концептуальное обоснование права человека до сих пор остается предметом научного спора. В эпоху деятельности ООН преобладает мнение о праве и неотъемлемом достоинстве человеческой личности. Концептуальная основа такого подхода прослеживается в основных международных документах и актах по правам человека, обеспечивающих защиту права на здоровье. Так, например, в преамбуле Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах говорится о «неотъемлемых правах всех членов человеческой семьи».

Несмотря на критику Джереми Бентама [22] в адрес естественного права человека, теория о естественном происхождении прав и свобод человека сохраняет ведущую позицию среди различных теорий о происхождении прав и свобод человека.

Напомним, что дискуссия по этому вопросу имела место во время подготовки первого документа ООН по правам человека — Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Известный ученый, профессор Дж. Хэмфри, ответственный от ООН за подготовку проекта Всеобщей декларации, высказывал свою обеспокоенность при обсуждении проекта ст. 1 по поводу отражения какой-либо теории в тексте Всеобщей декларации, на чем настаивал член рабочей группы, известный ученый — профессор Рене Кассен [1. С. 209–214].

В связи с этим профессор Дж. Хэмфри отмечал: «Помимо того факта, что по меньшей мере часть данного заявления остается сомнительной, оно носит

чисто назидательный характер и ни как не способствует подъему авторитета Всеобщей декларации прав человека» [25. Р. 44].

Принимая во внимание тот факт, что разработчики проекта Всеобщей декларации прав человека обладали различными воззрениями философии, религии, культуры, традиций и идеологии, трудно было достичь консенсуса по какой-либо теории о правах человека, чтобы ее отразить в тексте в качестве концептуальной основы. Однако, вопреки таким опасениям, консенсус был достигнут. Одним из объяснений ссылок в тексте Всеобщей декларации прав человека на естественном происхождении прав человека являлось стремление разработчиков сфокусировать внимание на стратегической цели заявленного положения, а не рассматривать эти положения лишь как изложение теоретических основ прав человека [32. Р. 355]. При таком подходе важным становится аспект, связанный с политической привлекательностью положения о неотъемлемо присущем человеку праве на здоровье.

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что на фоне массовых и грубых нарушений прав человека во время Второй мировой войны поддержку мировым сообществом неотъемлемых прав человека следует истолковывать как политическую стратегию «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности» (преамбула Устава ООН) и достичь сотрудничества между государствами с различным социально-политическим устройством в деле «поощрения и развития... по правам человека и основам свободы для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (преамбула Устава ООН).

Несмотря на политическую привлекательность теории о неотъемлемых правах человека, часть философов потеряла интерес к теориям, связанным с метафизическим обоснованием прав человека, и обратилась к теориям, в которых предпринимаются попытки увязать права человека с определенными интересами.

При этом все усилия направлены на достижение общего понимания вопроса о том, на каком основании должны определяться такого рода интересы.

Так, Джозеф Раз, например, считает, что только те интересы, которые имеют «наибольшее значение» для благополучия человека, могут рассматриваться в качестве концептуальной основы для права [26. Р. 176–183]. Согласно мнению Джеймса Гриффина, интерес может быть признан в качестве права человека лишь в том случае, если он выражает интерес «законного представителя» [20. Р. 179–187]. Аматия Сен считает, что интересы, лежащие в основе прав человека, — это те свободы, которые усиливают статус личности [7. Р. 320–325]. Ален Бучанан и Кристен Хесслер понимают права человека как «моральные запросы, основанные на «главных интересах» человека [5. Р. 213]. Чарльз Бейтц уточняет, что только «главные личные интересы», проявляемые в отношении определенных опасностей, могут быть рассмотрены в качестве прав человека [11. Р. 122]. Применительно к правам детей Джон Екелаар полагает, что существует три типа интересов — «основные интересы», «интересы, связанные с развитием» и «самостоятельные интересы», которые можно рассматривать в качестве обоснования прав ребенка [24. Р. 161].

Объединяющим элементом этих ученых служит их мнение о неразрывной связи между правом человека и интересами, рассматриваемыми в качестве основополагающих для достижения определенной цели, которая у разных ученых называется по-разному: «достойной жизнью», «процветанием личности», «ощущением личного благополучия», «самостоятельностью», «законным представителем» и др. Все эти идеи вращаются вокруг того, что же является человеческой личностью и какова роль прав человека в обеспечении ее нормальной жизнедеятельности.

В задачу нашего исследования не входит попытка представить критический анализ каждой из этих теорий. Основной целью нашего анализа является установление того, имеются ли весомые аргументы для того, чтобы обосновать признание интереса, который личность может иметь в поддержании и сохранении своего здоровья в качестве права, закрепленного на уровне международного договора по правам человека.

Приступая к изучению данного вопроса, следует учесть следующее обстоятельство: несовершенный характер теоретического обоснования уже действующих международных договоров по правам человека, где закреплено положение о праве на здоровье, а также спорный характер тех теорий прав человека, которые претендуют дать всеобъемлющую характеристику природы и содержания прав человека. Учет этих обстоятельств поможет нам не сбиться с пути найти хорошее концептуальное обоснование права на здоровье из-за того, что не смогли найти идеальное теоретическое обоснование данного права человека.

Мы полностью согласны с утверждением профессора Дж. Гриффина, который считает, что под права человека должны быть подведены основательные концептуальные основы [20. Р. 16]. В нашем случае прежде всего необходимо проверить наличие или отсутствие на практике договоренностей государств относительно концептуальных основ права человека на здоровье.

При решении этой задачи нам следует отталкиваться от того факта, что уже имеется определенный уровень договоренности (хотя и не получившего в полной мере теоретического обоснования) в виде закрепления в международных соглашениях по правам человека конкретного интереса, в виде «достижения наиболее высокого уровня здоровья», облеченного в форму права человека.

Теоретическая основа для подобного соглашения может иметь несовершенный характер, однако это вовсе не значит, что она не может использоваться в качестве прилагаемого обоснования. При таком состоянии интересы, лежащие в основе прав человека и служащие для их обоснования, не могут претендовать на роль основных. Следовательно, они всегда будут оспариваться, являться предметом дальнейших переговоров, будут оставаться исторически непрогнозируемыми и вызываться к жизни исходя из конкретных тенденций общественного развития.

Таким образом, те интересы, которые могут претендовать на участие в формировании концептуальной основы для прав человека, могут обрести характер нормативности лишь в том случае, если такая их роль и вытекающие из нее обстоятельства будут приняты государствами, которые и должны выпол-

нять эти обязательства. В соответствии с подобной моделью, по мнению специалистов, «права не являются плодами, вырастающими на голой земле уже готовыми и зрелыми без усилий тех, кто их растит» [30. Р. 15]. При этом другие специалисты предупреждают о том, что следует заявлять о праве на здоровье лишь в том случае, если оно вытекает из общей теории справедливого распределения благ или какой-то определенной теории справедливости в отношении обеспечения здоровья и функционирования системы здравоохранения. Этот подход, в свою очередь, требует понимания того, что признание права предполагает учет иных интересов, нежели интересов тех, кто в результате оказывается субъектами права [31. Р. 439].

Констатация того, что «право влечет за собой обязанности», стало аксиомой в сфере прав человека. И хотя философы уделяли много внимания вопросу о том, в чьих интересах происходит признание прав человека, они все же обошли стороной два важных аспекта данного вопроса: 1) обоснованы должны быть не только социальные интересы, но и содержание обязательств, с учетом проблем практической реализации этих интересов, возведенных в ранг нормативных установок; 2) философы упускают из вида то, какую роль играет право в регулировании властных функций.

В связи с этим заслуживает внимания утверждение Джона Еекелаара, о том, что «требование права является требованием распределения власти в области предоставления права» [23. Р. 137].

Как показывает история возникновения права на здоровье, его концептуальные составляющие не обладают какими-то особыми метафизическими особенностями. Оно, как и другие права, возникло как ответ на человеческие страдания и ощущения несправедливости, возникшие в общественном сознании. Именно эти обстоятельства и привели к появлению прав человека вообще, включая и право на здоровье. Права человека были выкованы как средство, помогающее регулировать взаимоотношения между теми, кто управляет и управляемыми в пределах одного государства. Целью появления этих прав было дать адекватный ответ на ощущаемый в обществе провал существовавших подходов к методам правления и распределения властных полномочий в рамках государства [10. Р. 79]. Подтверждением сказанного является Великая хартия вольностей 1215 г. [4. С. 6–8]

Можно констатировать, что изначально концепция прав человека имела преимущественно политические корни, но при этом она не была лишена морально-этических требований и находилась под сильным влиянием идей гуманизма. Неслучайно в преамбуле Всеобщей декларации прав человека говорится, что «пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человека»; в преамбуле Устава ООН зафиксирована решимость государств-членов «содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе».

Более того, Всеобщая декларация прав человека, согласно ее преамбуле, провозглашается в качестве «задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства» с тем, чтобы каждый человек и каждый орган об-

щества стремились содействию уважению прав и свобод путем их всеобщего признания и существования. В преамбуле Всеобщей декларации прав человека также содержится призыв к признанию «достоинства, присущего» всем членам человеческой семьи, а в ст. 1 этого документа заявлено, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Все эти положения Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека основаны, прежде всего, на определенных моральных принципах. Они схожи со многими ранее провозглашавшимися идеями — такими, как «всестороннее раскрытие человеческой личности», «раскрытие индивидуальности и качеств личности» и т.д., которые служат в качестве концептуальных основ различных теорий прав человека, выдвигавшихся разными философами. Некоторые теории прав человека не получают научных обоснований с помощью их закрепления в международных договорах о правах человека, ибо такое положение, как «человеческое достоинство», до сих пор не получило достаточно внятного толкования в международных документах по правам человека.

Вместе с тем утверждения о присущем каждому человеку чувстве достоинства получило нормативное и документальное подтверждение на уровне международного права прав человека. Однако это положение продолжает оспариваться на теоретическом уровне. Более того, на практике оно понимается не везде адекватно, например во Всеобщей декларации прав человека и Конвенции о правах ребенка (КПР) [2. С. 241–249] «права человека» и «человеческое достоинство» представлены как понятия одной категории.

Во Всеобщей декларации прав человека мы читаем: «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав», а в Конвенции о правах ребенка зафиксировано: «признание достоинства и равных неотъемлемых прав всех членов человеческой семьи». Положение о человеческом достоинстве рассматривается в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах в качестве одного из фундаментальных. Оно гласит: «признавая, что эти права вытекают из присущего человеческой личности достоинства...».

Трудно себе представить более наглядный пример неполного концептуального обоснования тезиса, если говорить применительно к основам прав человека, как вытекающих из человеческого достоинства.

Обычно это положение представляют в качестве отражения кантианского понятия личности, согласно которому достоинство является неотъемлемым качеством, присущим всем людям без исключения. Однако такое состояние характеризуется двумя спорными моментами: 1) в нем отсутствует моральное обоснование; 2) если считать, что достоинство является неотъемлемым качеством, то в этом случае оно не может ни при каких обстоятельствах быть утраченным.

По мнению специалистов, подобное утверждение сопряжено с риском того, что права человека мало что смогут дать «в качестве руководства к действию», поскольку «будет нечего опасаться со стороны тех действий, которые иногда

интерпретируют как угрожающие, и которые при этом обеспечивают права человека» [38. Р. 162].

Таким образом, человеческое достоинство, по крайней мере понимаемое в том смысле, который в него вложен в философии Канта, может обеспечивать лишь философское обоснование прав человека. В этом плане прав Д. Шродер, который указывает на предпочтение государств достичь соглашения по конкретным правам человека и отказаться от попыток раскрыть содержание «достоинства» на национальном уровне [16. Р. 6].

Таким образом, появляется дилемма, связанная с той ролью, которая отведена понятию «достоинство» в попытках дать концептуальное обоснование праву на здоровье. Одним из возможных путей для разрешения этой дилеммы является признание того, что точно так же, как и положение о присущих человеческой личности правах в целом сыграло важную политическую роль в преодолении философских разногласий в подходах, возникавших в процессе работы над текстом Всеобщей декларации прав человека, такую же роль сыграло и положение о присущей человеческой личности достоинстве.

Получившее широкое признание о присущем человеческой личности достоинстве в философских трудах, исследованиях, религиозных воззрениях и верованиях, а также общественных движениях, вызвало к жизни мощное международное движение в защиту прав человека [12. Р. 677–678]. Обращение к человеческому достоинству было вызвано его значительным потенциалом в качестве «лингвистического символа», с помощью которого появилась возможность представить «различные воззрения и тем самым дать теоретическое обоснование политического соглашения на взаимоприемлемой основе» [13. Р. 5].

Но, как утверждает профессор К. Макрудден, «в отличие от лингвистики... где метка-заполнитель не несет ни какой смысловой нагрузки, “достоинство” несет огромное по объему содержание применительно к разным людям» [12. Р. 678].

Таким образом, несмотря на то, что, по мнению ряда исследователей, человеческое достоинство является «бесполезной концепцией» [36. Р. 1419], являющейся «далеко непрозрачной» [20. Р. 203], профессор К. Макрудден сумел обобщить различные мнения и найти общий подход применительно к феномену «человеческого достоинства». Его мнение по данному вопросу базируется на трех аргументах: 1) «Каждая человеческая личность обладает внутренними присущими ей качествами лишь в силу того, что она является человеческой личностью»; 2) «Эти внутренние качества должны признаваться и уважаться другими людьми»; 3) «Государство должно существовать ради людей, а не люди — ради государства» [12. Р. 678].

Если рассматривать предмет каждого исследователя под таким углом зрения, тот факт, что человеческое достоинство считается одним из основополагающих положений в международных соглашениях по правам человека, в которых провозглашается защита права на здоровье, во многом оказывается нерелевантным. Такой подход лишь отражает недостаточную теоретическую проработанность соответствующих международных актов по правам человека.

При этом важным моментом является то, что можно реально достичь общего консенсуса в отношении тех ценностей, которые лежат в основе включения этого понятия, если отталкиваться от внутренних качеств и ценности отдельной человеческой личности, и учитывая роль государства в обеспечении защиты каждой человеческой личности с присущими ей внутренними ценностями и качествами.

В контексте такого подхода согласованные государствами права человека, включая право на наивысший достижимый уровень здоровья, являются не только моральными обязательствами, хотя и не получившими полного теоретического обоснования, но также и средством, при помощи которого становится возможным уважать, обеспечивать защиту и реализацию моральной ценности каждой отдельной личности.

Между тем концептуальная основа прав человека в международном праве базируется не только на моральных ценностях личности. Их признание было вызвано среди прочего также и верой в то, что воцарение прав человека, особенно права на здоровье, сможет обеспечить человечеству мир, справедливость и стабильность, причем как отдельным государствам, так и всему миропорядку в целом [11. Р. 132].

Сочетание теологического (нацеленного на достижение определенных целей) и деонтологического (основанного на обязательствах) аспектов прав человека нашло свое отражение прежде всего в преамбуле Всеобщей декларации прав человека, в которой говорится, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [8. Р. 25].

Данное положение нашло отражение и в тексте Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, где говорится об обязательстве государства-участника принять необходимые меры для обеспечения осуществления прав в максимальных пределах имеющихся ресурсов (ст. 2), а также о том, что государство может при необходимости устанавливать ограничения этих прав с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе (ст. 4).

Как показывает опыт применения государствами-участниками Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (их так же 162), существует насущная необходимость соблюсти баланс интересов между правами личности, с одной стороны, и требованиями общества — с другой» [14. Р. 397]. Поэтому было бы неверным — подобно некоторым исследователям — утверждать, что права человека не зависят от тех результатов, которые дает их применение. Последовательный подход очень важен в сфере прав человека, особенно если учитывать необходимость уравнивания потенциально способных вступить в противоборство прав отдельной личности в условиях наличия ограниченных ресурсов.

Таким образом, изучение множества фактов и моральных ценностей, которые послужили тому, чтобы здоровье человека было возведено в ранг прав человека на уровне международного права, способствует более адекватному по-

ниманию стадии проработанности теории прав человека, вопреки мнению отдельных исследователей, утверждающих, что в данном случае речь идет о «лишенной перспектив и не основанной ни на каких научных критериях» [20. Р. 15].

Фундаментальной особенностью рассмотренной нами теории является то, что определение интересов, лежащих в основе прав человека, является результатом прежде всего согласований сторон и компромиссов.

Достижение государствами консенсуса позволяет обеспечить продвижение общественных интересов, таких как сохранение и поддержание здоровья людей, и поднятие этого вопроса до уровня международного права человека, что в свою очередь служит источником их морального авторитета. Кроме того, в основе права человека лежат не только интересы тех, кто этими благами пользуется, эти права также отражают и интересы тех, кто несет обязательства, что в свою очередь определяет характер и содержание принимаемых обязательств. Признание права на здоровье и связанные с реализацией этого права обязательства государств означают не только благо для человеческой личности, но влекут за собой также и активизацию интересов более широких слоев населения. Поэтому право на здоровье должно рассматриваться как «важный элемент создания общественного блага», а не как «поощрение этического индивидуализма». Именно такое понимание наблюдалось в выступлении делегата от Чили на Международной конференции по здравоохранению (1946 г., Нью-Йорк), на которой был принят устав Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

Предлагая включить права на здоровье в качестве основного права человека в текст преамбулы Устава ВОЗ, делегат Чили (доктор Бортос) заявил: «принятие Устава будет означать, что в будущем здоровье больше не будет являться вопросом частного интереса людей и государства, а будет представлять собой общественный интерес со всеми вытекающими из этого результатами во всемирном масштабе» [39. Р. 66–67].

Теория прав человека, рассматриваемая нами, основывается на общественном интересе. Согласно этой теории, ни один из интересов, лежащих в основе прав человека и определяющих характер и объем обязательств государств, относящихся к этим правам, никак не будет соотноситься с какой-либо другой теорией, основанной на моральных ценностях. Наоборот, эти интересы будут всегда оспариваться, ставиться под сомнение, они будут обусловлены конкретными историческими реалиями и находиться в состоянии постоянной эволюции. Согласно данной теории прав человека, объяснение феномена общественного интереса в виде здоровья и возведения его в ранг права человека кроется в сознателном управляемом процессе, при помощи которого государства, находящиеся под наблюдением гражданского общества, сами способствуют возведению того или иного общественного интереса в ранг прав человека.

Это происходит не только исходя из политических соображений, хотя подготовка международных договоров по правам человека во многом продиктована потребностями власти и сложившегося соотношения политических сил [18. Р. 136]. В соответствии с данной теорией достигнутый государствами консенсус

создает предпосылки для обозначения в каждом конкретном случае того или иного общественного интереса — например, здоровья — что также отражает принятие ими моральных ценностей, хотя и не получивших завершеного обоснования, но тем не менее лежащих в основе нормативного обоснования такого права.

Следует уточнить, что теория общественного интереса отражает мнение Сэлли Мерри, согласно которому права человека в первую очередь являются частью культурной системы, внутри которой поощряется «содействие общественному прогрессу и повышению жизненного уровня», а также «быть свободным от страха и нужды» [37. Р. 16]. Именно эти устремления человечества закрепились в преамбуле Всеобщей декларации прав человека.

Во введении Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах содержится утверждение о том, что право на здоровье, как и все права человека, «вытекают из присущего человеческой личности достоинства». Однако этот Международный пакт нельзя рассматривать как отражающий теорию «существования общей природы всего человечества». Напротив, рассматриваемый Международный пакт отражает существующее в исторических реалиях и широко оспариваемое понимание прав, с которыми согласились государства. Он может рассматриваться лишь в рамках понимания того, что речь может идти о международном соглашении, не получившем полного концептуального обоснования, которое со временем претерпит изменения или пересмотр. Данное утверждение подтверждается последующей практикой международного нормотворчества: в Конвенции ООН о правах ребенка, Конвенции ООН о правах инвалидов и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин были признаны новые или измененные критерии обязательств государств в отношении права на здоровье, которые не учитывались на этапе разработки Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Подобная динамика эволюции в данной области, однако, не привела к созданию достаточно глубоко проработанной теории прав человека, базирующейся на «антропологических реалиях» времени. Применительно к ситуации с правом на здоровье реалии культурной и политической жизни отражают согласие тех, кто находится у власти, принимать меры, направленные на укрепление здоровья населения своих стран как в своих собственных интересах, так и непосредственно в интересах самого населения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абашидзе А.Х.* Всеобщая декларация прав человека — величайший акт в истории человечества // Российский ежегодник международного права. 2008. — СПб: СКФ «Россия-Нева», 2009.
- [2] *Абашидзе А.Х., Гугунский Д.А., Конева А.Е., Солнцев А.М.* Защита прав детей при возникновении споров о воспитании детей между родителями, проживающими на территории разных государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2014. — № 3.
- [3] *Абашидзе А.Х.* Организация Объединенных Наций и защита прав коренных народов: монография. — М.: РУДН, 2010.

-
- [4] Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. — 2-е изд., доп. — М.: Изд-во НОРМА, 2002.
- [5] *Allen Buchanan* Justice: A Philosophical Review / in: Earl Shelp (ed.), Justice and Health Care. — D. Reidel Publishing Co., 1981.
- [6] *Allen Buchanan, Kristen Hessler* Specifying the Content of the Human Right to Health Care / A. Buchanan (ed.), Justice and Health Care: Selected Essays. — OUP, 2009.
- [7] *Amartya Sen* Elements of a Theory of Human Rights. — 2004.
- [8] Annotation on the Text of the Draft International Covenant on Human Rights // UN Doc. A/2929(1). 1955.
- [9] *Cass Sunstein* Incompletely Theorized Agreements. — 1995.
- [10] *Cass Sunstein* The Second Bill of Rights: Franklin Delano Roosevelt's Unfinished Revolution and why We Need It More then Ever. — Basic Books, 2006.
- [11] *Charles Beitz*. The Idea of Human Rights. — OUP, 2009.
- [12] *Christopher McGrudden* Human Dignity and the Judicial Interpretation of Human Right. — 2008.
- [13] *D. Shultziner*. Human Dignity-Function and Meanings. — 2003.
- [14] *Dan Seymour and Jonathan Pinous* Human Rights and Economics: The Conceptual Basis for their Complementarity. — 2008.
- [15] *David Kennedy* The International Human Rights Movement: Part of the Problem. — 2002.
- [16] *Doris Jchroeder* Dignity: One, Two, Three, Four, Five, Still Counting. — 2010.
- [17] *Edmund Pellegrino* The Special Ethics of Primary Care: The Relationship between a Human Need and an Obligation of Society. — 1978.
- [18] *Eekelar J.* Family Law and Private Life. — Oxford: OUP, 2006.
- [19] *Jacques M.* Introduction / UNESCO (ed.) Human Rights Comments and Interpretations. — Allan Wingate, 1949.
- [20] *James Griffin* On Human Rights. — OUP, 2008.
- [21] *Jennifer Ruger* Toward a Theory of a Right to Health: Capability and Incompletele Theorized Agreements. — 2006.
- [22] *Jeremy Bentham* Anarchical Fallacies: Being an Examination of the Declarations of Rights Issued during the French Revolution / John Bowring (ed.), The Works of Jeremy Bentham. — William Tait, 1843.
- [23] *John Eekelaar* Family Law and Private Life. — 1986.
- [24] *John Eekelaar* The Emergence of Children's Rights. — 1986.
- [25] *Jonh Humphrey* Human Rights and the United Nations: A Great Adventure. — Transnational Publishers, 1984.
- [26] *Joseph Raz* The Morality of Freedom. — Clarendon Press, 1986.
- [27] *Katharine Young* Securing Health through Rights / Thomas Pogge, Matthew Rimmer and Kim Rubenstein (eds.). Incentives for Global Public Health: Parent Law and Access to Essential Medicines. — CUP, 2010.
- [28] *Louis Henkin* The Age of Rights. — Columbia University Press, 1990.
- [29] *Maria Merritt* Bioethics, Philosophy and Global Health. — 2007.
- [30] *Norman Daniels* Just Health: Meeting Health Needs Fairly. — CUP, 2008.
- [31] *Onora O'Neill* The Dark Side of Human Rights. — 2005.
- [32] *Peter Rosenblum* Teaching Human Rights: Ambivalent Activism, Multiple Discourses and Lingering Dillemas.— 2002.
- [33] *Rainer Prost* The Justification of Human Rights and the Basic Rights to Justification: A Reflexive Approach. — 2010.
- [34] *Raymond Guess* History and Illusion in Politics. — CUP, 2001.
- [35] *Rchard Rorty* Human Rights. Rationality and Sentimentality / Stephen Shute and Susan Hurley (eds.). On Human Rights. — Basic Books, 1993.
- [36] *Ruth Macklin* Dignity is a Useless Concept. — 2003.

- [37] *Sally Merry* Human Rights and Gender Violence: Translating international Law Local Justice. University of Chicago Press, 2000.
- [38] *Suzy Killmistor* Dignity, Nor Such a Useless Concept. — 2009.
- [39] WHO, official Records of the World Health Organization № 2: Proceeding and Final Acts of the International Health Conference Held in New York from 19 June to 22 July 1946 // UN WHO Interim Commission. — 1948.

CONCEPTUAL ASPECTS, WHICH HAVE INFLUENCED ON THE ENSHRINEMENT OF THE RIGHT TO HEALTH IN INTERNATIONAL LAW

A.A. Belousova

The Department of International Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article attempts to determine whether it is possible to find a consensual foundation for the justification of the right to health, as a category of human rights established in International Law. The article focuses on the analysis of the theory of human rights, which is based on the public interest and serves as the conceptual basis of the right to health.

Key words: Right to Health, International Human Rights Law, Human Rights Theory of the Public Interest, Conceptions of Human Rights.

REFERENCES

- [1] *Abashidze A.H.* Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka — velichajshij akt v istorii chelovechestva // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2008. — SPb: SKF «Rossija-Neva», 2009.
- [2] *Abashidze A.H., Gugunskij D.A., Koneva A.E., Solncev A.M.* Zashhita prav detej pri vozniknovenii sporov o vospitanii detej mezhdunarodnymi roditeljami, prozhivajushimi na territorii raznyh gosudarstv // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Juridicheskie nauki». — 2014. — № 3.
- [3] *Abashidze A.H.* Organizacija Obedinennyh Nacij i zashhita prav korennyh narodov: monografija. — M.: RUDN, 2010.
- [4] Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka: sb. dokumentov / sost. V.A. Kartashkin, E.A. Lukasjeva. — 2-e izd., dop. — M.: Izd-vo NORMA, 2002.
- [5] *Allen Buchanan* Justice: A Philosophical Review / in: Earl Shelp (ed.), Justice and Health Care. — D. Reidel Publishing Co., 1981.
- [6] *Allen Buchanan, Kristen Hessler.* Specifying the Content of the Human Right to Health Care / A. Buchanan (ed.), Justice and Health Care: Selected Essays. — OUP, 2009.
- [7] *Amartya Sen* Elements of a Theory of Human Rights. — 2004.
- [8] Annotation on the Text of the Draft International Covenant on Human Rights // UN Doc. A/2929(1). 1955.
- [9] *Cass Sunstein* Incompletely Theorized Agreements. — 1995.
- [10] *Cass Sunstein* The Second Bill of Rights: Franklin Delano Roosevelt's Unfinished Revolution and why We Need It More then Ever. — Basic Books, 2006.
- [11] *Charles Beitz* The Idea of Human Rights. — OUP, 2009.

-
- [12] *Christopher McGrudden* Human Dignity and the Judicial Interpretation of Human Right. — 2008.
- [13] *D. Shultziner*. Human Dignity-Function and Meanings. — 2003.
- [14] *Dan Seymour and Jonathan Pinous* Human Rights and Economics: The Conceptual Basis for their Complementarity. — 2008.
- [15] *David Kennedy* The International Human Rights Movement: Part of the Problem. — 2002.
- [16] *Doris Jchroeder* Dignity: One, Two, Three, Four, Five, Still Counting. — 2010.
- [17] *Edmund Pellegrino* The Special Ethics of Primary Care: The Relationship between a Human Need and an Obligation of Society. — 1978.
- [18] *Eekelar J.* Family Law and Private Life. — Oxford: OUP, 2006.
- [19] *Jacques M.* Introduction / UNESCO (ed.) Human Rights Comments and Interpretations. — Allan Wingate, 1949.
- [20] *James Griffin* On Human Rights. — OUP, 2008.
- [21] *Jennifer Ruger* Toward a Theory of a Right to Health: Capability and Incompletele Theorized Agreements. — 2006.
- [22] *Jeremy Bentham* Anarchical Fallacies: Being an Examination of the Declarations of Rights Issued during the French Revolution / John Bowring (ed.), The Works of Jeremy Bentham. — William Tait, 1843.
- [23] *John Eekelaar* Family Law and Private Life. — 1986.
- [24] *John Eekelaar* The Emergence of Children`s Rights. — 1986.
- [25] *Jonh Humphrey* Human Rights and the United Nations: A Great Adventure. — Transnational Publishers, 1984.
- [26] *Joseph Raz* The Morality of Freedom. — Clarendon Press, 1986.
- [27] *Katharine Young* Securing Health through Rights / Thomas Pogge, Matthew Rimmer and Kim Rubenstein (eds.). Incentives for Global Public Health: Parent Law and Access to Essential Medicines. — CUP, 2010.
- [28] *Louis Henkin* The Age of Rights. — Columbia University Press, 1990.
- [29] *Maria Merritt* Bioethics, Philosophy and Global Health. — 2007.
- [30] *Norman Daniels* Just Health: Meeting Health Needs Fairly. — CUP, 2008.
- [31] *Onora O`Neill* The Dark Side of Human Rights. — 2005.
- [32] *Peter Rosenblum* Teaching Human Rights: Ambivalent Activism, Multiple Discourses and Lingering Dillemas.— 2002.
- [33] *Rainer Prost* The Justification of Human Rights and the Basic Rights to Justification: A Reflexive Approach. — 2010.
- [34] *Raymond Guess* History and Illusion in Politics. — CUP, 2001.
- [35] *Richard Rorty* Human Rights. Rationality and Sentimentality / Stephen Shute and Susan Hurley (eds.). On Human Rights. — Basic Books, 1993.
- [36] *Ruth Macklin* Dignity is a Useless Concept. — 2003.
- [37] *Sally Merry* Human Rights and Gender Violence: Translating international Law Local Justice. University of Chicago Press, 2000.
- [38] *Suzy Killmistor* Dignity, Nor Such a Useless Concept. — 2009.
- [39] WHO, official Records of the World Health Organization № 2: Proceeding and Final Acts of the International Health Conference Held in New York from 19 June to 22 July 1946 // UN WHO Interim Commission. — 1948.